

А-а-а, петь вместе со своим кумиром! Стереть плохие воспоминания об этой песне и создать новые? Хе-хе. Каково это - осознавать, что ты дружишь со своим кумиром?

Глава 3. Как друг (1)

Дверь их комнаты была еще открыта. Женщина в противоположной комнате прекратила выть «Даже в смерти, я буду любить» и начала свою следующую битву «Одна ночь в Пекине». В этой их комнате, больше половины припева уже прошло, и субтитры караоке на экране медленно переходили от белого к зеленому, но никто не спел ни одной ноты.

В левой руке застряло ведро с попкорном, в правой - красный микрофон, Цзя Хи на самом деле забыла, как нужно петь эту песню. Через несколько секунд ей наконец удалось запинаясь напеть несколько строк. Эффект, однако, был одинаково сопоставим с женщиной в противоположной комнате. Даже если сейчас вы игнорируете, звучащую мелодию, все равно нужен талант, чтобы петь неправильные слова, глядя на экран ...

«Дайте мне микрофон». Войдя в комнату, Йи Венце вдруг потребовал у Цяо Цяо.

Цяо Цяо какое-то время безучастно смотрела, прежде чем заметить, что черный микрофон был рядом с её рукой, и поспешно передала его ему.

Хотя Йи Венце не смотрел на большой экран, он все еще, казалось, точно знал, где должно быть каждое слово и нота. Его пение было легким, тембр его голоса был низким, со следами усталости, которые были результатом путешествия. Цзя Хи больше не осмеливалась делать ошибки, и осторожно и нервно пела. Их голоса гармонировали очень хорошо, и эффект был на удивление хорошим.

Дверь их комнаты еще не была закрыта. Кто-то, проходя мимо, увидел Йи Венце и мгновенно остановился, чтобы послушать песню. Появлялось все больше людей, один за другим, пока вскоре снаружи не собралась толпа в три ряда. Эта знаменитость, на самом деле, в KTV, пел с другой женщиной дуэт песни своей бывшей жены, и, кроме того, он делал это на глазах у всех. Это были сплетни, которые, конечно, никто не хотел пропускать.

Только когда песня была почти допета, А-Цин поняла, что с ситуацией что-то не так. Поспешно "надев" улыбку на лицо, она закрыла дверь и прислонилась к ней своим телом, чтобы заслонить прозрачное стеклянное окно двери, не допуская толпу поклонников и других людей, пытающихся наблюдать за происходящим.

MV достиг своего конца. В сиянии золотого солнечного света Тянь Чу подняла лицо и закричала: «Я люблю тебя!»

Все еще обнимая это ведро с попкорном, Цзя Хи смотрела на этот конец, ее разум был пуст. Только когда экран переключился на рекламу для КТВ, она положила микрофон на стол и продолжила, склонив голову есть свой попкорн. Тот, кто просил эту песню «Солнечный свет», больше не был чем-то, что можно было бы исследовать. Из тех двух человек, которые пели дуэт, один сидел в углу дивана у двери, держал ведро попкорна и яростно жевал, а другой стоял рядом с ней и передавал микрофон кому-то другому.

«Учитель Йи, ты должен честно выпустить альбом. Он определенно будет продаваться как сумасшедший». Цяо Цяо схватила бутылку пива и передал ее Йи Венце. Говоря это, она пнула Цзя Хи как сигнал, что она должна освободить место для Йи Венце.

Не то чтобы Цзя Хи не понимала ее смысла, но из-за того, что здесь было так много людей, она действительно была слишком смущена, чтобы нагло сказать Йи Венце сесть рядом с ней. Однако, увидев, что Йи Венце стоит там с бутылкой пива, она также чувствовала себя довольно скверно. После битвы внутри себя, в конце концов, ее кумир одержал победу над всем остальным. Она немного подвинула ноги, но, тем не менее, прижалась ближе к Цяо Цяо, а затем наклонила голову, говоря с улыбкой: «Учитель Йи, присаживайся здесь».

Йи Венце выразила благодарность, а затем, безо всяких признаков желания отклонить ее предложение, занял место рядом с Цзя Хи.

Сегодня пришло много людей, и эта отдельная комната была явно недостаточно велика. На диване все собрались в кучу. Цзя Хи была, на самом деле, не очень суетливым человеком. В настоящее время - не феодальный век, в котором подчеркивалось, что

было неподходящим для мужчин и женщин иметь физический контакт. Тем не менее, в тот момент, когда Йи Венце сел рядом с ней, каждая часть ее начала чувствовать себя на грани. Ее шея оставалась неподвижной в одном положении, когда она устремила взгляд на экран, но на самом деле не знала, что смотрит...

А-Цин давно проскользнула к стойке выбора песен. Йи Венце сидел у двери. С другой стороны двери все еще было много людей, которые намеренно проходили мимо, вероятно, услышав, что Йи Венце был внутри, и время от времени кто-то бросал взгляды через стекло. Однако он ненавязчиво пил пиво, и, поскольку он носил кепку с полями и сидел, было вполне естественно, что никто за дверью не мог его узнать, поэтому после нескольких взглядов люди снаружи сдались.

Из-за воздействия алкоголя и других напитков время от времени люди вставали и выходили из комнаты, либо курили, либо направлялись в ванную.

Особое положение Йи Венце, очевидно, слегка блокировало дверь, и поэтому он, естественно, снова придвинулся немного ближе к Цзя Хи. Мгновенно, как будто Цзя Хи получила удар током, она снова сдвинулась в направлении Цяо Цяо.

«Цяо Цяо, ты собираешься сесть прямо мне на колени». Помощник режиссера Чен Хао закашлялся.

Цяо Цяо бросила обиженный взгляд на Цзя Хи, а затем, решив просто встать, заметила значимым тоном: «Здесь так тесно. Я собираюсь выйти и постоять немного».

Думая, что она имеет в виду его, Чен Хао тоже застенчиво встал. «Вы сидите, Вы сидите. Я встану и выйду».

Когда двое начали препираться по этому поводу, каждый пытался уступить место на диване другому человеку, и ни один из них не закончил тем, что снова сел, и для Цзя Хи и Йи Венце открылось очень большое пространство. Из-за неловкости ранее от выбора песни, остальные люди не смели приходить, чтобы сесть на эту сторону. Таким образом, образовалась необычная сцена: на одной трети этого длинного дивана сидели только два человека, и, кроме того, они экстравагантно оставили между собой пустое пространство, которое могло бы вместить целого человека. Однако на оставшихся двух третях все собрались, как сардины в банке ...

«Вы писали какие-нибудь новые драмы?» Смотря на экран, неожиданно спросил Йи Венце.

Цзя Хи ответила «мм-хм», но затем, внезапно обнаружив, что то, как она ответила, было довольно претенциозно, она поспешно добавила: "Я уже делаю общие черты характеров и описания. Это еще один древний период."

Угол одной стороны губ Йи Венце поднялся, его улыбка была очень слабой. «Вы действительно любите драмы древнего периода?»

Цзя Хи немного рассмеялась. «В юности, я была одержима строчкой из стихотворения: "С веером в руке и волосами, связанными шелком, он не спеша беседовал и смеялся, пока флот противника поднимался в дыму и пепле» [1]. С тех пор мне нравились драмы, поставленные о древних временах».

Йи Венце выпил своего пива. 330-миллилитровая бутылка была как раз подходящего размера в его руке. Эта темно-зеленая бутылка Heineken со светящимся сквозь нее светом караоке-экрана была настолько прозрачна и сверкала, что выглядела как люли [2]. Когда Цзя Хи спокойно наблюдала за ним, она вспомнила, как, когда она была в средней школе, она указывала пальцем на телевизор и кричала «Йи Венце!», и теперь по какой-то причине, румянец пополз по её щекам.

К счастью, здесь было темно. Никто не сможет сказать, что она покраснела.

"Мой разум возвращается к этим древним сценам. Конечно, моя сентиментальность должна быть осмеяна, потому что мои волосы рано поседели. Жизнь это мечта. Я предложу выпить за Луну над рекой. [3]" Низким голосом он произнес строки, следующие за той, что она говорила. Слегка покачивая головой, он издал смешок полный самоиронии. «Я прочитал это стихотворение в фильме, в котором я играл».

«Мо Шаоань?» Она смотрела каждый фильм Йи Венце, поэтому, естественно, она также знала каждую роль, которую он сыграл. Фильм с персонажем Мо Шаоанем был снят про эпоху республиканцев [4]. Среди буйной атмосферы роскоши и рассеянности Шанхайского Бунда был молодой человек, родившийся в уважаемой семье, мечтающий стать героем. Она даже могла вспомнить, в какой сцене и в каких деталях Йи Венце произнес это стихотворение.

Йи Венце повернул голову, чтобы посмотреть на нее. Эти глубоко черные глаза были наполнены мерцающими фрагментами света, такими красивыми, что вы не могли не смотреть на них. «Вам нравится персонаж Мо Шаоань?»

"Да. Мне нравятся персонажи, которые обладают определенной степенью моральной чистоты. Мужчины, которые сдерживают себя, как правило, более убедительны для людей». Цзя Хи серьезно проанализировала это. «Именно это чувство моральной чистоты и привело к поражению Мо Шаоаня. Контраст и противоречие очень отчетливы».

Йи Венце тихо рассмеялся, затем неторопливо пояснил: «Я вот что имею в виду, как зрителю, он тебе нравится?»

Только с этим вопросом Цзя Хи поняла, что ее профессиональные привычки снова взяли верх. "Прости за это. Я впала в привычку, которая приходит с моей профессией. Как зритель..." Ее взгляд столкнулся с его. В ее уме, она молча заявила, так как это был ее кумир, который сыграл роль, конечно, все было хорошо в этом. В то же время она надела фасад самообладания и взяла стакан красного вина, рассматривая это как способ утолить жажду и ослабить смущение. «Мне он очень нравится, особенно в той сцене, где он садится на корабль, чтобы покинуть Китай».

Именно в этой сцене Йи Венце, одетый в костюм Чжуншань [5], посмотрел на великий океан и произнес Воспоминание Красной скалы. Глубокие обиды и ненависть к его стране, романтика и любовь в его сердце - все погасло с этим одним стихотворением...

Той ночью, когда они вернулись в отель, Цяо Цяо ворвалась в комнату Цзя Хи, чтобы поспать на ночь. С запахом выпивки она растянулась на кровати и наблюдала за Цзя Хи, которая снова усердно печатала. «Твой кумир действительно высокого калибра. Он так хорошо относится к своим фанатам».

Цзя Хи смотрела на экран, даже не поворачивая головы. "Конечно."

«Моему боссу не нравится ажиотаж, созданный сплетнями; в противном случае, маленькая сегодняшняя сцена была бы отличной новостной историей». Цяо Цяо, надув губы и закрутив головой, проанализировала: «Посмотри, как, для той драмы династии Цин, которая недавно началась в эфире, все сплетни о романе между режиссером и актрисой были так популярны».

Цзя Хи не ответила. Случайный разговор с Йи Венце сегодня вечером дал ей вдохновение для сценария. Если бы она не спешила и не записала это, было бы слишком поздно. Цяо Цяо нужно было спать, она только включила настольную лампу. Ее глаза оставались неподвижно приклеенными к экрану, пока не набрав почти две тысячи слов, она, в конечном итоге, завершила. Наконец подняв голову, она осознала, что ее шея уже ужасно болит.

Сделав большую растяжку, она взглянула на время. Еще даже не один час. Это было идеально; она могла бы пойти на массаж.

Эта конкретная производственная команда была довольно хороша. Они наняли трех массажистов, чтобы те оставались на месте в отеле с актерами и командой, и если вы отправитесь на поиски их до двух часов ночи, все будет хорошо. Завтра были съемки, поэтому

большинство людей уже спят в этот час, и массажисты должны быть доступны. Размышляя об этом, Цзя Хи встала и толкнула Цяо Цяо, которая была укрыта под одеялом. "Я иду на массаж. Открой мне дверь позже."

Цяо Цяо издала пару ворчаний, что можно было бы считать ее способом сказать, что она слышала ее. Цзя Хи также взяла мобильный телефон Цяо Цяо и переключила его с режима вибрации на самый высокий возможный уровень громкости звонка, а затем, наконец, успокоившись, она вышла из комнаты. Поскольку в любом случае она всего лишь гуляла по отелю, она сильно не заморачивалась и просто носила спортивный костюм и тапочки, быстро шагая к массажной комнате и стуча в ее дверь.

Через несколько секунд кто-то открыл дверь. Занавески в этой комнате были распахнуты, и когда вы стояли в комнате, было ясно видно серповидную луну с ее ореолом, а также большой непрерывный белый снег на фоне черной ночи.

Оказалось, что снег уже падал. Только когда она отвела взгляд, она обнаружила, что на самом внутреннем массажном столе находился еще один человек, рядом с которым было брошено пальто и кепка с полями.

Услышав шум, он поднял голову, слегка улыбнулся и дал ей понять, что она не должна ничего говорить.

Все трое терапевтов были мужчинами, слепыми массажистами [6], поэтому, кроме Цзя Хи, никто не видел его жест. Цзя Хи некоторое время смотрела на него безучастно, не понимая его намерений, но, тем не менее, она совместно молчала.

«Я слышал, что ведущим актером на этот раз является Йи Венце». Человек, который собирался делать массаж Цзя Хи жестом предложил ей лечь на живот на массажном столе, а затем продолжил говорить с женщиной, массирующим Йи Венце. «Разве он не твой кумир?»

Мужчина рядом с Йи Венце засмеялся и ответил: «Не мой, а моей дочери».

«Итак, когда съемка закончится, вы можете попросить съемочную группу помочь вам получить автограф?»

«Забудь об этом». С простой, бесхитростной улыбкой мужчина объяснил тихим голосом: «Из того, что я услышал от моей дочери, ее кумир сейчас в процессе развода. Это определенно повлияет на его настроение. В следующий раз посмотрим, будет ли шанс.

Закончив говорить об этом, они продолжили в тишине свою работу.

О, так они обсуждали его...

Увидев, что она поняла, Йи Венце опустил голову и продолжил отдыхать.

В это время массажист Цзя Хи также аккуратно положил на нее длинное полотенце и начал тихо расспрашивать, где ей нужно сосредоточиться на массаже. Цзя Хи сказала ему, ее шею, а затем уткнулась головой. Это чувство было таким замечательным. В этой комнате явно было много людей, но взаимодействие между ней и ним происходило так, как будто других не было,

настолько естественным, что казалось, что они были обычными друзьями.

Сладкое чувство затопило сердце Цзя Хи когда она вздохнула. Оказывается, я уже дружу со своим кумиром.

Среди волн болей, которые исходили от массажа, она смутно чувствовала себя так, как будто вернулась к той летней ночи в свои подростковые годы, когда на улице Дондан в Пекине она держала свой скейтборд под мышкой и общалась с группой друзей. в сопровождении прохладного, нежного ночного бриза. Так удобно и приятно. Как в тумане, в ее сознании казалось, что кто-то похлопал ее по руке и спросил, не хочет ли она вернуться в свою комнату, чтобы уснуть. Ленивым тоном она отказалась. А потом она погрузилась еще глубже в свои грезы...

[1] 红墙, 绿树, 白云. Это строка из стихотворения Су Ши « Воспоминание о Красной скале» (на мелодию Niannujiao)

[2] 琉璃 «liu li». Люли , иногда называемый стеклом люли или кристаллом люли , - это древняя китайская форма искусства, корни которой уходят на тысячи лет назад и создают искусство, подобное цветному стеклу или хрусталу. Однако это ни то, ни другое, и, в целом, более ценно, чем оба.

[3] 红墙, 绿树, 白云. Это взято из того же стихотворения, которое Цзя Хи только что процитировал, « Воспоминание о Красной скале» (на мелодию Niannujiao).

[4] Период Китайской Республики, иногда называемый периодом Мингуо, длился с 1912 по 1949 год. Это эпоха после падения династии Цин, но до создания Китайской Народной Республики (КНР). ,

[5] 中山装. Костюм Чжуншань был назван так, как он был введен Сунь Ят-сеном, также известным как Сунь Чжуншань, вскоре после образования Китайской Республики. Стиль костюма также известен среди жителей Запада как «костюм Мао».

[6] Существует форма китайского массажа, называемая «слепой массаж». Все терапевты действительно слепы. Считается, что слепота дает им повышенную осознанность через их чувство осязания.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/22047/456943>